Канал заканчивался, уходя в надстроенное на ним здание, по одному лишь внешнему виду которого было ясно, что оно также уже долгие годы было заброшено. Некогда-когда-то, а именно тринадцать лет назад, один предприимчивый полурослик вздумал очистить воды погрязшего в болоте эльфийского квартала, чтобы каналы вновь можно было ею наполнить, но делать это он решил своеобразно - не искореняя сам источник заразы, а путём строительства очистных сооружений, которые должны были фильтровать и отстаивать воду перед тем, как пускать её в город. А заодно и очищать её по мере протекания по самому городу. Но, судя по состоянию данного пилотного образца, дело это у него не выстрелило, и проект был свёрнут, оставив в напоминание о себе только один канал, на котором было выстроено несколько подобных ангаров с недостроенными чанами и резервуарами, а также модернизированными отстойниками. Из-за чего запах тут стоял какой-то особенно несвежий, ибо даже дождь теперь надолго тут задерживался и парил сыростью.

Зато здесь кто-то всё-таки мог додуматься поставить хоть одну лестницу до самого пола, которой могла бы воспользоваться Шаос. И девушка осторожно, боясь ещё сильнее испачкаться о ржавые ворота, просочилась внутрь, в тёмный зал, осветить который в достаточной мере солнце уже не могло, из-за чего ей пришлось зажечь на лбу свою метку... Да только там же и вздрогнула, подпрыгивая настолько сильно, что аж из тапок выскочила - это место было обжито. И не абы кем, не грязными бомжами, гоблинами или затерявшимися в катакомбах мутантами-инцестниками - а дутыми мухами. Частыми жителями всяких коллекторов и отстойников.

Мерзкими насекомыми, представляющими из себя что-то вроде кузнечиков, но без прыгательных задних ножек и с омерзительно раздутыми брюшками - если тело его могло достигать в длину около тридцати сантиметров, то такое вот мясистое, вылезшее из расходящихся как банановая кожура хитиновых пластин "мясо" могло достигать метра и более. Причём летать они не умели, потому что их крылышки были слишком малы, кривы и часто недоразвиты, зато отлично цеплялись за стены и потолок своими шестью (или тремя... пятью, семью или хоть девятью) лапками, из-за чего облепили как сами отвесные стены канала - так и выстроенный над ним ангар. Хотя, это им не мешало ими во всю шевелить, и поэтому в зале стоял устойчивый и нескончаемый стрёкот. А ещё они без конца ползали. И вообще - выглядели просто омерзительнейшим образом не только из-за того, что от накапливаемого внутри них метана тела этих насекомых раздувало до уродливых, корявых форм, а потому что немного, но как раз-таки на мутантов-инцестников они были похожи. А именно, сложно было найти такое существо полностью симметричным, при шести, а не семи или трёх, четырёх лапках, чтобы крылья имели одинаковую длину, а эти уродливые задницы не раздваивались или не имели ещё каких-то наростов. Либо же эти мясные комлюхи могли образовываться в любой части их тел - хоть на стыке лапок. Хоть на стыке внезапно раздваивающейся лапки...

- М-мнеее не сюда!... - С виноватой улыбкой, будто случайно вошла в уже занятую уборную, протянула Шаос. И попятилась своей широкой попкой наружу, ибо ей, как ехидне, было нежелательно находиться вблизи от подобных отвратительных тварей... Но увиденная в метрах пятнадцати от неё картина заставила её громко заканючить. - Д-да ладно!

Там, на одной из стен покрытого этими "мухами" канала, была закреплена стальная лестница, идущая от самого пола и до верха.

Девушка протянула сквозь зубы воздух. Догадывалась о том, что же может случиться, если она

решит туда пойти, но и назад же переться ей не хотелось. Ведь что лучше - тащиться километры по помойке или же рискнуть и уже через несколько минут быть свободной? Они же, вроде, не агрессивны... Грязь разводят, воняют - но не агрессивны... А ещё этим газом часто фонари заправляют...

- Я-я опъеделённо не зэлаю с ними спайиваться!.. - Пропищала себе под нос девушка - и с полузакрытыми веками сделала шаг вперёд. И ещё один. Осторожно, стараясь не шуметь и не делать резких движений.

Вот она видела одну из этих тварей - она проползла мимо неё, волоча за собой почти двухметровый "баллон" своего брюшка - полупрозрачный, с какими-то противными, шевелящимися органами внутри. Другой такой, со стрёкотом крыльев, слетел с потолка - и приземлился на землю, заползая в расположенную в правой стенке канала трубу - брезжущую тьмой и каким-то там копошением из усиков и лапок. Полутораметровую в диаметре - но полностью, глухо забитую этими тварями! И они там вошкались, шевелились, шуршали...

Направо она смотреть больше не хотела. Зато налево, где симметрично с той трубой находилась другая - взглянула. И во флюорисцентном свете поселившейся там плесени увидела её стенки, облепленные белыми, сантиметров до двадцати в длину кольчатыми червями. Тонкими с чёрными круглым головами. И что сама труба уходила вниз, глубже под землю, ведя в закопанные там септики. Куда должна была уходить и оседать всякая дрянь из болот...

Шаос стиснула зубы. Это же копошились их детки, да? И, стало быть, если она не поторопится, если не уберётся отсюда поскорее - то они могут стать и её детками тоже? Она зашипела ещё громче, быстро метнула взгляд на лестницу, на тварей, которые могли преграждать ей дорогу, на потолок и стены, на всё! На всё и сразу - и ни на что определённое. Броситься бегом? Добежать до лестницы, подняться по ней и сбежать? Найти там, наверху хоть какую-то дверь...

Сжав плечики и теребя себя на груди за футболку, Шаос медленно пошла вперёд, минуя эту копошащуюся червями клоаку, в направлении лестницы... В направлении лестницы, до которой оставалось всего лишь каких-то пять метров. Язычок её без конца облизывал губы, большие синие глазки - бегали по сторонам, старались подмечать любую тварюшку, которая могла оказаться у неё на пути. Вот он ещё один такой "пропикировал" прямо у неё перед лицом - с опущенным вниз брюшком, сильно тянущим его вниз. Ведь хоть оно и было наполнено газом - всяких там потрохов было также в избытке.

- Мейзость, мейзость, фу-фу! - Затрясла она руками, приседая и полукругом обходя слетевшее существо. И оно, кстати, как только приземлилось, так сразу же поползло в направлении "червивой" трубы. Уродливо волоча своё раздутое тело, сочащееся какой-то мерзкой, желтовато-розовой слизью...

И всё же, у неё пока получалось - и как минимум треть пути она проделала. Она смогла добраться до лестницы, и вот уже руки её коснулись покрытой ржавчиной и неведомой грязью перекладины. Теперь было важно залезть по ней вверх, а то с этим у неё, учитывая рост, имелись определённые проблемы. Но методика уже выработана была. И она сильно, до милого кряхтения, в этой своей короткой маечке и милых, широких трусиках задрала ножку, чтобы

поставить её на первую ступеньку. Опереться о неё, переместить массу... поскользнуться, разжать руки - ё*нуться о неё челюстью, скрючиться под ней на четвереньках, с трудом сдерживать слёзы, пытаясь унять эту боль...

Короче - методика не сработала и с первого раза у неё не вышло. Но это же совсем не значило, что следовало остановиться? Конечно же нет!...

Нееееет.....

Что-то увесистое легло ей на спину. И светловолосая дамианка, с дрожащей от страха челюстью, задрала голову вверх, видя над собой уродливые, перекошенные жвала той твари, так же пялящейся ей в ответ тремя подслеповатыми глазами - двумя на одной стороне и только одним - на другой.

И, видимо, ему очень понравилась эта тёплая мягонькая штука под ним, раз он сжал на боках Шаос все свои семь лапок - даже ту, раздвоенную на середине длины, где в месте стыка наружу выпирал комлюх розовой плоти. Ну и конечно же брюшко его не переставало покачиваться из стороны в сторону, изгибаться и шевелиться, будто бы мокрым языком ощупывая ноги ехидны. Её ноги, её хвостик и, конечно же, попку. И щедро оставляло на них свою белёсую слизь.

- Н-не надо... Не надо этого делать... - Тихо прошептала она, поворачивая голову уже на сторону, чтобы видеть, что это насекомое там собирается делать.

Раздутое брюшко мухи поднялось вверх, изгибаясь как-то практически по-скорпионьи, и такой же дугой, но опустилось вниз, тыкая мясным сфинктером на его конце ехидне под хвост. И не в жопу, а в прямом смысле под хвост - то есть в условную "спину" прямо под ним, но всё равно скользнуло ниже... Полубессмысленным, как показалось бы, жестом - но протиснул скользкое мясистое тело меж её бёдер, с нажимом касаясь её промежности и залазая под футболку уже спереди, вдоль животика и в сторону груди. И оставляя при этом на её коже липкие, белёсые разводы.

Сердце в груди заколотилось в бешеном ритме, стало срываться с него - и Шаос, чуть покосившись в сторону, прокряхтела. Она честно не хотела, чтобы подобная тварь спаривалась с ней, ведь та была слишком омерзительна... Но всё же, бельё её невольно стало намокать не только от слизи животного, а температура всего тела росла.

Интересно... оно захотело бы полностью ввести в неё своё брюшко? Или у них для этого есть какой-то особый орган...

Нет! Девушка встряхнула головой - ей нельзя было об этом думать! Если она возбудится, если станет ещё более влажной, то насекомое может почуять это! По запаху, по теплу или сырости найдёт её потаённые места... Это же - тупой жук! Он не должен знать, как спариваться с человек, если ему как-то на это не намекнуть!...

Не должен... Шаос замерла с открытым ртом, когда её тело начало покачивать от сильной дрожи. И когда она снова, всё так же с открытым ртом обернулась назад, то лицезрела, как внутри полупрозрачной попки жука ритмично подёргивались, колошматились и будто "дышали" все его внутренние органы, а само брюшко в неприятных конвульсиях сокращалось, всё ускоряясь в ритме и наращивая амплитуду...

Ей не хотелось этого видеть. Что бы оно там ни делало - нет, она не станет смотреть! Возможно, оно просто хотело покакать... Да, точно, покакать!..

Попку её обдало брызгами слизи - и Шаос, уже вознамерившись закрыть глаза и обречённо заскулить, была вынуждена их напротив открыть - и открыть очень широко.

Через её плечо, повисая вот практически прямо у самого лица, легла некая преомезительнейшая вещь. Прозрачный пузырь с какой-то желтовато-белой жидкостью объёмом, б*ядь, в пару литров. Как прозрачный, длинный пакет... Или изобретение хитрого Кондомио Преггинса, одеваемое на член и собирающего семя внутри себя. Только органическое, а ещё очень большое, раздутое и обвисшее. И внутри этой жидкости, словно она была наполнена паразитами, что-то крутилось. Какая-то живность вроде маленьких, жёлтеньких червячков. Но когда же степень омерзения превысила страх и растерянность, и ехидна попыталась её с себя сбросить, чтобы больше это не видеть - то этот "пузырь" с влажным чавканьем пополз назад, на влажных, прозрачных связках заползая обратно в раскрытое брюшко насекомого...

Оно эту штуку выстреливало. Сильно выстреливало...

Лиза сглотнула. Нет, к сожалению, тут уже ничего не поделаешь... Всё, что она могла сейчас сделать - это принять свою участь с честью и не пасть лицом в грязь. В прямом смысле пасть и в прямом смысле грязь - расставив ноги и руки пошире, чтобы занять более устойчивое положение, она уставилась немигающими, красными глазами перед собой и стала ждать...

Вот она, это муха, снова стала ощупывать её попу. Снова покрывала её своей слизью... как оказалось далеко не самой отвратительной из своих жидкостей. Скользнуло под резинку её белья, на ощупь и наугад ища необходимое для себя отверстие. Скользнуло по попке... по самой это дырочке, чем вызвала появление на пересохших глазах дамианки пары слезинок - нет... В попку не надо... Конечно, в её киску - тоже не стоит, но в попку - точно нет!..

И чуть ниже, размазывая свою слизь по плотно сжатому, пухлому копытцу. Смешивая её с выступающей оттуда полностью прозрачной смазки. И будто бы дразня, будто бы давая ложную надежду - заскользила и ещё ниже, цепляясь за промежность девушки множественными корявыми наростами и пупырышками.

Шаос закряхтела. Этим своим милым стоном - и прикрыла глаза, уже обильно выделяя слёзы. Сейчас её осеменят... Осеменит существо, уродливее которого она в жизни ничего не видела. Ну, кроме Никифия... Но это так, в шутку!..

И сильно содрогнулась, когда брюшко скользнуло обратно вверх и стало пристраиваться к её киске, с трудом, болью и сопротивлением начиная протискиваться в неё.

- А-аааауф... Меня... тлахает муха... Гадкая, т-тупая муха!.. - Сжала зубки, когда боль стала слишком сильна - а потом и икнула, когда насекомое, чуть подвытащив из её приоткрытой киски своё мускулистое тело - пихнуло его сильнее, вместо "упущенных" двух сантиметров занимая в два раза больше. И повторила сие движение ещё раз, в этот раз перекидывая Шаос через барьер удовольствия - и она кончила.

Её влагалище сжалось на мясистом органе твари, подкосились руки, из-за чего она пала на локти, а голова с широко открытыми ротиком и высунутым, влажно чавкающим от капающих с него слюнок язычком вздёрнулась вверх... И в этот же момент, как по договорённости, изо рта насекомого был выпущен некий осклизлый, гибкий отросточек, чтобы вторгнуться внутрь Шаос ещё и с другой стороны. И она нет, чтобы вытащить его из себя, укусить или сделать хоть что-то, чтоб ему помешать - обхватила его губами и со стонами, с кряхтением стала обсасывать его, попутно ощущая, как он удлиняется заходит всё глубже, погружаясь в самое её горло в надежде найти там что-то питательное.

Тем же временем оно не переставало продвигаться и внутрь её влагалища. И при следующем толчке Шаос опять вздрогнула и, с занятым ртом, замычала. И снова! Тело мухи хоть и было мягко и податливо, но всё же обладало сильно упругостью, из-за чего занимало в ней объём крайне плотно, а из-за гладкой слизистой поверхности ещё и хорошо прилегало, почему особенно громко выдавливало из неё смазку, до пузырей вспенивая её в месте стыка с собой и этой скулящей девкой.

И ещё толчок! Ещё, ещё! И докуда Шаос могла это терпеть - она терпела, обхватывая губами торчащую изо рта трубку, тихо сопя и кряхтя, пока сосредоточенный взгляд впустую пялился перед собой. Но когда уродливый сфинктер припал к её ровному бублику кервикса - она всё же "поплыла" на сторону, дёрнулся обхваченной мушиными лапками спиной и уже готова была вот-вот кончить - как наружу из той трубки были выпущены короткие, жёсткие шипики и впились в её маточное кольцо, раздвигая его и одновременно фиксируя в это открытом положении...

Этого ехидна выдержать уже точно не могла, и её тело окатила неудержимая волна горячего удовольствия и всё той же, так нелюбимой ею - и в то же время обожаемой боли. Дышать было невозможно. Сознание меркло... А сердце словно бы сжалось - и уже не разжималось... Она заваливалась...

Что... что оно там с ней сейчас делало? Чем оно её царапало? Кусало?.. Или что-то к ней прилипало?..

Но кашлем, с мешающей во рту трубкой, она нашла в себе силы перегруппироваться и, всё ещё с трудом, но удержать равновесие даже на трёх точках.

- У-ууф... Ууаф!.. - Замычала перемазанная слезами, слюнями и слизью милашка, лапкой своей

извлекая... давясь от этого и покашливая, извлекая добрых несколько десятков сантиметров мушиного хоботка - сокращающегося, открывающийся и закрывающийся, как присоска. Всё же добравшегося прямо до конца её пищевода...

Девушка "сплюнула" горечь своего же желудочного сока - а точнее, дала ей вытечь из своего рта под своим весом. И несколько раз дёрнулась в новых муках от того, что мух ещё сильнее раздвинул своими "когтями" её маточное кольцо и выпустил вовнутрь неё ещё какие-то лепестки, в этот раз гибкие, но занявшие собой добрую половину внутренней поверхности её матки, чем ещё надёжнее сцепился с ней изнутри.

- Мы с-соединены... Вместе... Сильно, плотно сое... динены!.. Хехе... Хе...

Наверное, скоро он должен будет "выстрелить" в неё тем семенным мешочком... И она какое-то время будет вынуждена носить в себе его потомство. И ей... ей всё ещё не хотелось, из-за чего при этой мысли глаза снова стали мокрыми от слёз. Честно не хотелось!

Но что она могла сейчас сделать? Ничего. Она просто переступила коленями на влажной земле, раздвинув свои ножки ещё чуть пошире - и стиснула веки...

Наполовину ввёрнутый внутренними лепестками "член" внутри её матки сократился - и "выстрелил" в неё семенным мешочком, в одно мгновение вспучивая тем самым её животик как минимум объёмом в два литра... И под испытываемую в этот момент бурю эмоций - начиная с боли от слишком резкого растяжения, пробегая через удовольствие и под ощущение тяжести, мух втащил в себя распиравшие её матку крючки и резким движением, заодно и отрывая тот пузырь от себя и оставляя внутри матки этой внутри девушки - вышел наружу, отскакивая и начиная биться в какой-то агонии, извиваться и корёжиться, идти петлями...

Шаос же уронила вниз голову и видела сейчас свой округлый живот, торчащий из-под задравшейся майки. При этом взгляд её был бессмысленен, а слюна просто капала с высунутого языка... Она была вымотана, но как-то держалась в - и потому даже мысль проскочила в её голове о том, что пузырь-то этот был, кажется... Нетронутым? Целый?.. Не.. прорвавшимся... То есть она, возможно?... Если будет очень осторожна - сможет вытащить его... наружу?..

С влажным шлепком, он прорвался - и вся эта масса с копошащимися внутри червячками расплылась внутри её матки - доходя до самых потаённых её уголках, до самых яичников, и выливаясь через слишком широко раздвинутый кервикс, из-за чего скатывалась вниз по прозрачной плёнке ещё торчащего из неё разорванного пузыря.

И Шаос, с пузырящимися на губах слюнями, пала на землю... Глаза её закатились, а ноги продолжили мелко подёргиваться.

Она - всё. Капут. Извините, но больше не может... Эта ехидна сломалась - была сломана. Ей нужен был отдых... Хотя бы полчасика... Хотя бы... И даже когда на спине своей она снова почувствовала прикосновение цепких лапок - то только отвела одну ногу в сторону, позволяя

беспрепятственно всунуть в себя мясистое брюшко, распереть свою матку цепкими крючками - и ввести в неё пузырь с семенем, ещё сильнее округляя ей и без того вздутый, полурасплющенный о землю животик.

***

- Слушай, милый. А как мы его назовём, если у нас родится мальчик?

Презентабельного вида мужчина засмеялся. И было в его смехе что-то такое неловкое, неуклюжее. Будто он даже никогда не задавался этим вопросом на самом деле и сейчас судорожно, пока жена держала его за локоть, пытался придумать хоть какое-то имя, которое бы не звучало слишком глупо.

- Д-дааа как-нибудь... Забавно... В смысле, Клаус! Клаус, да! Чем не прекрасное имя?

- Дурак ты! - Улыбнулась она, приподнимая руку, чтобы легонько шлёпнуть его по плечу - но застыла с открытым ртом, когда из-за угла дома вышла совсем миниатюрная дамианка.

Вся грязная, дрожащая и икающая, в одном только тапочке и перекошенной, всей изгавняканной какой-то слизью футболочке. Сильно задранной футболочке, потому что та не налезала на её большой, литров в пять округлый живот с вывернутым наружу пупком, из которого, через её маленькую, пухленькую киску до сих пор сочилось что-то гадкое и противное, перемешанное с торчащими оттуда полупрозрачными плёнками, в виде разорванных лент опадающими на её грязное, полуспущенное до середины бёдер бельё.

Им она тоже показала знак "V". И даже попыталась как-то там улыбнуться - но одним итогом ё*зднулась лицом на дорогу, разбрызгивая выдавившуюся из себя жижу.

Она выбралась.

http://erolate.com/book/412/21670